

Янтарь в болоте

Автор:

Дарья Кузнецова

Янтарь в болоте

Дарья Андреевна Кузнецова

Служба на границе с Великой топью – не мед, но Алёне Емановой там нравилось. А когда воля главы Разбойного приказа вынудила ее прибыть в княжеский дворец, о прежней опасной, но простой жизни осталось только мечтать. Вот уж где настоящее болото! И то, что на Алёну, как на живца, намерены ловить преступника, – меньшая из бед. Куда хуже интерес княжеского наследника, враждебность девиц из свиты княгини и колючий взгляд первого княжеского воеводы Олега Рубцова, прозванного Янтарноглазым.

С воеводой, пожалуй, тяжелее всего. К опасности Алёне не привыкать, а вот с собственным сердцем попробуй сладить!

Дарья Кузнецова

Янтарь в болоте

Глава 1

Княжеская воля

Дорогу к хозяйскому дому Алёне легко указали в ближайшей деревне. Словоохотливый мальчишка за недолгий разговор успел предупредить о жуткой

ведьме, которая там живет, жрет заезжих путников и вообще страшна, как сердце Болота, и несколько раз спросить, зачем девушка туда едет. Та только отмахнулась от всех предостережений и вопросов – ведьм не боится, едет за надом, а от любопытства кошка сдохла.

Не говорить же пострелу, что и сама толком не знает, зачем провела в седле минувшую седмицу. Человек военный, подневольный, велено прибыть в господское поместье близ деревеньки Вершки, что к северу от города Старокузнецка Горького уезда, – она и поехала. Да еще какой приказ пришел – с великокняжеской печатью, на белоснежной бумаге с золотым тиснением, в руки брать страшно. Хотя лучше бы он был попроще, но поподробнее.

За время пути Алёна успела выяснить, что поместье принадлежит уездному князю Краснову и служит вдовьим домом, в котором коротает дни его старая мать. Говорили и о том, что князь, человек еще нестарый и крепкий, совсем недавно умер, оставив молодую вдову бездетной. Версий его скоропостижной гибели на девушку за время дороги вывалили с полтора десятка, от дурной болезни до гнева духов, так что судить о правде она не бралась – чернук[1 – Чернук – злой пакостливый дух, который толкает под локоть, заставляя ронять вещи, и под колено, отчего конь или человек спотыкается. Сам, говорят, крайне ловок. – Здесь и далее примеч. авт.] ногу сломит, где уж простому человеку понять.

Да и не волновала ее судьба уездного князя. С чего его жалеть, чужого человека? Не за дело ли его к Матушке на поклон отправили прежде срока? Гораздо важнее было понять, зачем и кому в поместье вдруг понадобилась сама Алёна. Всю дорогу она себя об этом спрашивала, всю дорогу придумывала ответы и отбрасывала как глупые и невозможные, извелась совсем.

Но вот наконец и доехала и, слегка робея, направила свою коренастую гнедую кобылу к настежь распахнутым воротам, с любопытством оглядываясь и все больше разочаровываясь в увиденном.

Во дворе никого, но выметено чисто, и куры где-то совсем рядом квохчут, так что хозяйство точно не брошенное. Старый терем, добротный, но не так чтобы огромный. Не княжеский, каким Алёна его себе представляла. Восьмерик в три этажа с высоким висячим крыльцом, справа к нему – сруб в два яруса с гульбищем понизу, подзоры и наличники с искусной резьбой, а больше и отметить нечего. Даже в родной станице Алёны дома побогаче попадались.

Рассудив, что, коль ее сюда вызвали, можно в воротах не топтаться, Алёна спешилась посреди двора. Подобрала стремена и повод, ослабила подпругу, в ответ на что Свечка шумно всхрапнула и несколько раз переступила задними ногами, словно приплясывая.

– Надеюсь, нас отсюда не выгонят взашей, а? – спросила Алёна, задумчиво похлопав кобылу по влажному от пота плечу.

Почистить бы ее, бедную! И себя тоже. Лето в разгаре, дождя всю неделю не было, пылица аж на зубах скрипит.

– И вот с этим мне предстоит дело иметь? – Вдруг прозвучавший голос был старческим, резким, но сильным и громким.

Алёна вздрогнула от неожиданности, выглянула из-за преградившей обзор кобылы. И помянула деревенского мальчишку добрым словом, потому что иначе как злобной ведьмой стоящую на ступенях крыльца старуху не назвала бы и она сама.

Сухая, сморщенная, но спина прямая, как будто аршин проглотила. Черная юбка, черная душегрейка поверх черной рубахи, черный платок на голове – и как только не жарко в такую погоду! Опиралась старуха на кривую трость с блестящим набалдашником, рассмотреть который было невозможно.

– Здравия желаю, хозяйка! – ответила Алёна, привычно вскинула правую руку к левому плечу ладонью и коротко поклонилась. Старуха в ответ на это поджала губы куриной гузкой. – Хорунжий пятой Моховой заставы Алёна Еманова по княжескому приказанию прибыла!

– Помоги нам Матушка! – проворчала вместо ответа старуха и сотворила охранное знамение.

– Зря ты так, Людмила Архиповна, – прозвучал мужской голос, и из тени на крыльце выступил еще один человек, до того остававшийся незамеченным. И явно не по невнимательности Алёны – она готова была поручиться, что без чар не обошлось.

Мужчина тоже был немолод, но, очевидно, все же моложе хозяйки. Полноватый, с округлым сытым лицом, морщин на котором было совсем мало. Дугами выгнутые седые брови придавали ему добродушное, немного удивленное выражение. Только оно не производило на Алёну того располагающего впечатления, какое могло бы: под пристальным взглядом голубых глаз девушке становилось все больше не по себе, и огонь в крови бурлил, волновался.

Одет мужчина был строго, но чувствовалось – богато. Блестящие сапоги из отличной кожи, по последним столичным веяниям узкие светлые штаны, шитый серебром по серому кафтан, снежно-белая рубашка – тоже с серебром. Покроем кафтан был как войсковые парадные, вот только цветами и отделкой отличался. Мелькнуло смутное ощущение узнавания, будто когда-то что-то такое Алёна встречала или слышала, но ухватить эту мысль она не успела.

– Несправедлива ты. Девушка с дороги, несколько дней в седле. – Говоря это, мужчина вальяжно спустился по лестнице, не спеша приблизился. Свечка нервно всхрапнула, и Алёна шикнула на нее, хотя мысленно согласилась: ей этот тип нравился еще меньше старухи. – В остальном – хороша. Стан стройный, румянец живой, и посмотри, какая корона смоляная богатая, никаких каменьев не надо!

– С кем имею честь? – не выдержала Алёна, стараясь не выпускать этого, второго, из поля зрения. А он двигался вокруг, разглядывая ее, словно кобылу на ярмарке.

– Зови меня пока Алексеем Петровичем, – представился он, чему-то улыбаясь уголками губ. – Хозяйка, а прислуга-то где? Лошадку бы забрать, Алёну в покои проводить. Забыла, что ли, в своей глуши правила гостеприимства? Накорми, напои, в баньке попарь, а потом расспрашивай.

Старуха повелительно стукнула тростью, и в ответ на это, как по волшебству, из не приметной боковой дверцы выскочили двое. Хмурый высокий мужчина средних лет, который молча взял лошадь за повод, – Алёна едва успела подхватить с седла переметную суму. Светловолосая молоденькая девушка, почти девчонка, в длинном сарафане и с зеленой атласной лентой в волосах остановилась рядом с Алёной, поклонилась хозяйке и мужчине и только потом обратилась к гостю, любопытно блестя глазами:

– Пойдемте, сударыня, проведу в покои.

– Ступай, после разговору. – Алексей Петрович властно взмахнул рукой, блеснул камень на перстне – крупный, темно-красный, что запекшаяся кровь. Опять мелькнула какая-то мысль и опять ускользнула.

Алёна по-уставному попрощалась и пошла за девушкой к крыльцу, мимо старухи. Та смотрела так, будто Алёна обокрала ее или в чем-то еще провинилась: холодно, зло, с отвращением.

– Как тебя зовут? – обратилась она к провожатой, когда дверь терема закрылась за спиной.

– Марьяна, сударыня.

– А я Алёна, и давай на «ты». Скажи, а Алексей Петрович – кто он?

– Не знаю, он только прошлого вечера прибыл, – охотно отозвалась служанка. – Но птица, по всему видать, грозная, тайной тропой пришел и с хозяйкой вон как разговаривает, а она терпит и не спорит. И страшный такой, как зыркнет – душа в пятки! Хотя держится вежливо, рук не распускает, да и языка тоже. Насмешничает эдак снисходительно, но не обидно, не зло.

– Марьяна, а что с князем случилось? – попыталась алатырница[2 - Алатырники, иначе янтарники – волшебники, одаренные всевозможными талантами. Янтарь считается чародейским камнем.] воспользоваться возможностью и узнать ответ хоть на один из своих вопросов.

Девушка еще больше оживилась и принялась с воодушевлением делиться тем, что знала. Впрочем, многого рассказать она не могла – умер князь не здесь, а в главном имении совсем в других краях. Но все же ей было больше веры, чем встреченным в дороге болтунам. По словам Марьяны, умер Краснов от удара по голове прямо в доме, и случайностью это не было. То ли воры залезли, то ли враги какие-то – непонятно. Но то, что жена молодая князю в дочери годилась, служанка считала дурным знаком, и хотя прямо не говорила, но вдову явно подозревала.

Алёна обсуждать это не стала, но сомневалась, что молодая женщина так стремилась лишиться богатого мужа. Успела бы наследника родить – другой разговор, а нынче ей одна дорога оставалась – обратно в отчий дом вместе со всем приданым. Нестыдная участь, но и сладкой не назовешь. А с другой стороны, большой вопрос, каким покойный князь был человеком и с охотой ли бедняжка пошла за него замуж?

В одном только алатырница уже почти не сомневалась: приказ прибыть сюда как-то связан именно со смертью князя, потому что больше ничего интересного или важного окрест не случилось. И еще какое-то дело, которое собиралась иметь с ней старая княгиня. Почему именно с ней? Навряд ли поближе алатырников не нашлось, не такая уж она необычная, желтый янтарь – не редкость. Сильная, но и посильнее бывают. Коль уж жутковатому Алексею Петровичу нетрудно по надобности тайной тропой пройти, то огненного алатырника сыскать не проблема. А какой с нее еще прок? И почему этот мужчина расхваливал ее внешность?..

Дурное предчувствие и нехорошие подозрения горячили кровь и подзуживали плюнуть на все, прыгнуть на лошадь да удрать отсюда так быстро, чтобы только подковы сверкали. Но, увы, княжеский приказ держал надежнее кандалов.

Алёна утешала себя тем, что служба – это все-таки служба, а не приговор, так что потребовать от нее чего-то мерзкого и от этой самой службы далекого даже великий князь не сможет. И постаралась пока отогнать тревожные мысли, сосредоточившись на простом и понятном. Например, на возможности наконец смыть с себя дорожную пыль.

К тому же устроили гостью лучше некуда. Просторная светлая спальня, при ней отдельная уборная и мыльня с водопроводом и большой ванной, чему Алёна порадовалась особенно. Марьяна показала, как с чем управляться, и унесла с собой грязную одежду, заверив, что все вычистят и вернут. Алёна и сама бы справилась с этим делом, но настаивать не стала. Кто по доброй воле откажется переложить стирку на чужие плечи?

С огромным наслаждением алатырница разобрала волосы, в дорогу тщательно уложенные вокруг головы, и задержалась в мыльне на добрый час. Здесь было все, что нужно: и душистое цветочное мыло, и мочало, и большой отрез хорошего белого льна, который мог бы стать нарядной рубахой, а здесь им предлагалось обтираться после мытья. Ну... князя, что с них взять. Ощутив

наконец чистоту, выполоскав из волос пыль и смыв с кожи въевшийся пот, она совершенно разнежилась и успокоилась.

Жаль, баньку Алексей Петрович помянул только для красного словца. Растопить бы пожарче, да чтобы веничком кто-то отходил от души, а из нее – в озеро. Какая у них на заставе баня, эх!.. Но жаловаться было стыдно, она бы и корыту да шайке теплой воды от души порадовалась.

Тщательно просушив после мытья кожу и еще тщательней – густые длинные волосы, заметно потяжелевшие от воды, сначала тканью и только после – чарами, Алёна босыми ногами прошлепала по чисто выскобленным доскам пола в спальню. Ее сумки так и лежали брошенные в углу у резного сундука, а на сундуке кто-то успел разложить чужие вещи – исподнее из коротких штанишек на завязках и тоненькой сорочки без рукавов, белоснежную верхнюю рубашку, узорчатый голубой сарафан в пол. Гостя с интересом пощупала богатую ткань, застыла в нерешительности.

Наряд оставили явно для нее, тут и думать нечего. И в других обстоятельствах она бы только порадовалась такой красоте, и примерила, и перед зеркалом покрутилась, благо тут было подходящее – новое, светлое, в рост. Уж больно хорош наряд, руки так и тянутся. Служба службой, а за ее пределами Алёна, как любая девушка, не прочь была принарядиться.

Но молодой алатырнице очень не нравилось, что происходило сейчас вокруг, а неприятности сподручнее встречать в привычной удобной одежде. Тем более выбор-то ей предоставили, личные вещи не забрали, даже сапоги успели вычистить и вернуть.

Колебалась Алёна недолго и в конце концов полезла за своими вещами в суму. Приказа надеть сарафан не было? Не было и быть не могло, а значит, лучше поскромнее, но – свое. Матушка знает, какую за принятый подарок плату потребуют.

Смена белья, узкие темные штаны, чистая рубаха, сменный темно-зеленый кафтан – почти новый, его девушка берегла и в дорогу предпочла надеть старый, потертый, залатанный, какой не жалко. Все по одному привычному образцу, как пограничники носили. К поясу – длинный кинжал, который все мытье пролежал на лавке, под рукой: расставаться с оружием дед отучил

крепко. Всегда приговаривал, что товарищ упадет, друг предаст, а шашка да кинжал – до смерти верны. Шашка ей, как алатырнице, не полагалась, да и глупо это, не женское оружие. В учебе одно дело, дед на всякий случай натаскивал старательно, но в серьезном бою невысокая девушка настоящему воину не соперница. Так зачем дразнить судьбу? Другое дело – хороший, по руке, кинжал.

Волосы она заплела в тугую косу, крепко перевязала. Остригла бы во время учебы по примеру некоторых других девушек, но рука не поднялась, жаль стало. Стриглись те, кому и беречь особо нечего было, не одарила Матушка хорошей косой, а ей богатство такое отрезать – настоящее кощунство. Да и бабка бы небось отхлестала за то, что красоту не сберегла. Тяжело носить и мыть морока, но если хорошо убрать, то почти и не мешают.

Сидеть просто так, да еще голодной с дороги, и ждать, пока про нее вспомнят, Алёна не стала, сама вышла из покоев в надежде узнать путь к кухне, а там без ломтя хлеба да миски каши всяко не осталась бы. Но проходившая мимо с большой корзиной в руках крупная немолодая женщина, у которой алатырница намеревалась спросить дорогу, очень обрадовалась встрече, сказала, что гостью давно ждут, и проводила немного.

Горница, куда Алёну привели, была убрана богато, все стены в резьбе и затейливой росписи, но выглядела угрюмой норой. Окна через одно закрыты глухими ставнями, печь в изразцах – зеленых, под малахит, и мебель темная: частью из старого дуба, частью из густо-зеленого болотного дерева, ценного и дорогого, которое славилось своей прочностью и долговечностью, даже в постоянной сырости не гнило. Скамья с резной спинкой перед печью, тяжелые сундуки вдоль стен, посередине – стол с шестью высокими стульями вокруг вместо привычных лавок. Его устилала богатая шитая скатерть, но отчего-то не белая, а темно-синяя.

Самым светлым пятном был резной, из солнечной липы, лик Матушки в красном углу, с теплым янтарным светцем перед ним, окруженный идолами ее старших детей. Алёна сначала вежливо поклонилась хранителям дома, потом опять вскинула руку к плечу, приветствуя хозяйку.

Та сидела во главе стола, справа от нее – Алексей Петрович. Старая княгиня снова смерила гостью недовольным взглядом и молча поджала губы, а мужчина бросил на хозяйку насмешливый взгляд:

– Садись, девица Еманова, с дороги, должно быть, голодна, поешь. – Он небрежно указал на стул напротив себя.

Алёна села куда велели и от еды не отказалась. Под колючим и недовольным взглядом «злой ведьмы» и насмешливым – ее гостя кусок в горло не лез и норовил встать поперек, но девушка устояла в тарелку и сосредоточилась на предложенных яствах. Взглядом княгиня не прожжет, не алатырница, а остальное можно и потерпеть. И вскоре девушка сумела отвлечься от тех, кто сидел с ней за столом, благодаря голоду и вкусу блюд, который оказался выше всяких похвал.

Правда, ненадолго.

– Ну хотя бы аккуратная, – выцедила старуха, и Алёна едва не поперхнулась от неожиданности.

– Так не звали бы за общим стол, – огрызнулась она, прожевав.

– Не звала бы, – недовольно подтвердила та и метнула злобный взгляд на мужчину.

– Людмила Архиповна, – с мягкой улыбкой и ленцой в голосе заговорил он, – если его великокняжеская светлость вынужден решать те проблемы, которые оставил после себя ваш сын, потрудитесь хотя бы изобразить благодарность к его усилиям.

– Стыдить покойника – ума не надо, – резко возразила княгиня.

– Вы желаете обсудить степень вины? Или имеете иное решение? Так поделитесь. – Алексей Петрович выразительно выгнул брови. Из глаз и уголков губ пропала улыбка, и словно стужей потянуло по горнице.

– Все в воле княжеской. – Тонкие морщинистые губы старухи опять сложились в куриную гузку, но продолжать спор она не осмелилась.

– Славно. Скажите, Алёна... Ивановна, верно? Почему Ивановна, кстати?

– В честь деда, он мне отца заменил, – ответила алатырница, прочистив горло, чтобы голос не сорвался.

– Забавно совпало. Матушка ваша погибла в стычке с болотниками, а отец?

– Понятия не имею. – Алёна пожала плечами.

Поворот разговора ей совершенно не понравился. По дороге она об этом думала, но не всерьез, а коли сейчас Алексей Петрович заговорил... Нет, лучше бы эти двое продолжали между собой собачиться!

Хозяйка дома скривилась еще сильнее, и от внимания мужчины это не укрылось.

– Что, Людмила Архиповна, не одобряешь? Честно и явно – гадко, а когда никто, кроме кобыл на конюшне, не видит, как с конюхом на душистом сене обнимаешься, – и стыда не емлешь?

Взгляд старухи полыхнул жгучей ненавистью, но она смолчала и едва прикрытое оскорбление проглотила. Видимо, возразить было нечего.

Права была Марьяна, хозяйка гостя своего, по всему видать, боится жутко. И ненавидит. Да так, что Алёна на его месте в этом доме ни есть, ни спать не отважилась бы, а он ничего, насмехается. Никакого уважения к старой княгине не питает и как будто с особенным удовольствием издевается над ней на глазах девушки, которую хозяйка с первого взгляда невзлюбила.

Видать, давно эти двое знают, и знакомство то простым не назовешь.

– Не будем отвлекаться, – сам себя вернул к прежнему разговору мужчина. – Ты уже, должно быть, знаешь, что уездный князь Краснов был убит и прямых наследников не оставил?

– Слышала такое, – ответила Алёна.

– Есть два равноправных наследника, дядя покойного и племянник, сын родной сестры. Обоих великий князь знает, обоим не доверяет.

– И что нужно сделать мне?

– Помочь понять, кто из них замешан в убийстве князя, разумеется. – Алексей Петрович смотрел на девушку с такой мягкой и ласковой улыбкой, что невольно казалось – сейчас уголки губ растянутся до ушей, обнажатся два ряда острых треугольных зубов, пасть разинется и откусит Алёне голову. – Великий князь выбрал наследницей тебя.

– Вы думаете, моим отцом... – Девушка все-таки попыталась озвучить это тревожное подозрение, но осеклась, бросив напряженный взгляд на разгневанную хозяйку.

– Я не думаю, девица Алёна, я знаю, – веско проговорил мужчина. – И он прекрасно знал. Все давно алатырниками проверено, не сомневайся. Видишь ли, встреча с твоей покойной матушкой оказала на молодого княжича сильное влияние, он долго не мог ее забыть. Когда скончался его властный отец, решил свою прекрасную станичницу отыскать, но было поздно, нашлась только ты. Не одинокая, сытая, в семье под приглядом, и вмешиваться никто не стал. Хотя родство он признал, пусть и тайно. За тобой эти годы присматривали, и сейчас ты оказалась очень полезна... Что такое, девица Алёна? Ты как будто не рада?

– Я не хочу быть чьей-то наследницей, мне и так неплохо, – не стала лукавить она.

– Дрянь безродная! – процедила старуха. – Ей княжество на блюдечке, а она еще нос воротит!

– Да пропади оно пропадом, княжество ваше! – в сердцах ответила Алёна, едва сдержавшись, чтобы не вскочить на ноги. – Род свой я знаю, дед мой из лучших пластунов на границе, и отец его был, и дед, и матушка моя – алатырница не из последних. А кто там в наш род со стороны приблудился да семя бросил – так мне это знание без надобности!

– Мерзавка! – ахнула хозяйка, крепче вцепившись в свою трость – того гляди удар хватит. Или сама старуха хватит тростью языкастую внучку. – Как смеешь!..

– Силком княжий титул никто тебе не сует, девица Алёна, – вмешался Алексей Петрович, когда старуха захлебнулась негодованием. Его не просто забавляла ссора, он поглядывал на обеих ее участниц со снисходительной насмешкой и явно был крайне доволен. И, похоже, именно такого исхода ждал. – Приказ великого князя – поспособствовать установлению истины. А там, коли во вкус не войдешь, передашь право невиновному.

– Как подсадную утку использовать хотите? – спросила алатырница, заставив себя расслабить пальцы и выпустить вилку, в которую во время разговора непроизвольно вцепилась, словно готовясь защищаться или даже нападать.

– Боишься, девица Алёна? – с улыбкой спросил он.

– Хочу знать, что делать нужно, – возразила та веско. Запоздало встревожилась, не попадет ли ей за слишком длинный язык, однако задиристость и несдержанность ее собеседнику, против ожидания, явно нравились.

– Похвально. А делать... вид, что очень хочешь княгиней стать. Жениха искать подходящего, родовитого. Должна понимать, девку молодую никто княжеством управлять не посадит, какого бы рода она ни была. А если кто избавиться от тебя пожелает – так мы его сразу и возьмем за химок. Коли не струсишь.

– Не струшу, – заверила Алёна. – Только притворяться я не умею, дурная из меня лицедейка. И княжеская дочка справная не выйдет.

– Знамо дело, – согласился Алексей Петрович. – Я ж тебя давно подумывал к себе забрать, но потому и не стал – норов. – Он со смешком качнул головой.

– К себе? – насторожилась она.

– В Разбойный приказ, хорошие алатырники мне тоже нужны.

И Алёна наконец сообразила, с кем имеет дело, только легче от этого не стало. Но хоть ясно, чего от него так холодом тянет... Вот уж где говорящая фамилия!

Боярин Вьюжин командовал Разбойным приказом дольше, чем Алёна жила на свете, и слухи про него ходили самые разные. Редкого дара алатырник – синий

янтарь, с ледяным пламенем в крови, одним взглядом заморозить может буквально, а не иносказательно. Поговаривали, власти у него в Белогорье побольше, чем у великого князя. Еще говорили, молодость на границе провел и болотники крепко его боялись. Звали его бессердечным, замороженным, твердили, что жену свою уморил и детей чуть не в застенках сгноил. Но последнее вызывало особенно много сомнений, потому что даже количество этих детей в разных слухах не совпадало.

- Но ты все же постарайся. А коли совсем кто не поверит в твое желание княжить - скажи, великий князь тебя неволит. Краснов, мол, говорил, что к тебе у него доверия больше. О службе своей не болтай, и о даре тоже - скрытый, он пользу скорее принесет. От роду тебе семнадцать, росла ты не как репей придорожный, а в хорошем доме, под приглядом, учили тебя всему нужному, - размеренно заговорил Вьюжин. Все явно было продумано раньше, и всю беседу мужчина подводил именно к этому. - На юге - уж больно говор у тебя приметный, такой не спрячешь. Я оставлю бумаги, выучишь. А о том, чтобы достойно держалась в княжеском дворце и хоть видимость приличий блюла, любезно позаботится Людмила Архиповна в грядущие четыре дня. И если она вдруг позволит себе лишнего или окажется недостаточно старательной, я об этом быстро узнаю.

- Чтоб ты в болоте сгинул! - выплюнула старуха.

- Бывал, княгинюшка, не единожды, - по-волчьи улыбнулся Вьюжин. - А твое старание, княжна, будет вознаграждено, не сомневайся. За сим позвольте откланяться, сударыни, - служба.

Алёна проводила главу Разбойного приказа взглядом. На душе было тоскливо и маетно.

Собственную жизнь молодая алатырница любила. Любила заставу у границы, любила, пусть порой и ругала, горные патрули, чаровать любила. Со жгучим желтым янтарем в крови, она была живым пламенем, ярким и сильным, а огонь болотники ой как не жаловали, так что девушку, отслужившую меньше двух лет, на заставе ценили.

Любила Алёна и родную станицу, и именно там хотела обосноваться потом, когда служба кончится. И на парней заглядывалась, да и как не посмотреть,

когда они рядом и все, как на подбор, удалые да ладные! Правда, сердца никто не трогал, оно, глупое, другого безнадежно ждало. Но до недавнего времени эта беда была едва ли не единственной хоть сколько-нибудь заметной и всерьез жизнь не отравляла. А вот теперь...

Алёне совсем не хотелось в княгини. В станице над дворянскими нравами хихикали, женщинам сочувствовали. Слова в простоте не скажи, громко не смейся, с парнями гулять – и речи быть не может! Юбка в пол, очи долу... Алёна хоть и злилась на нежданно явленного отца, но также сочувствовала ему и хорошо понимала. Да и мудрено ли понять, отчего таким вот кротким девам он предпочел горячую и острую на язык алатырницу. А покойная матушка была именно такой, все говорили, дочь – точно ее отражение.

Но Алёна прекрасно понимала, что желания ее никого сейчас не волнуют. Решил великий князь зачем-то такую игру затеять – на то он и правитель. Подумала было удрать, но только это совсем трусость, пока ничего невозможного от нее не требовали. Странно, конечно, и непривычно, и неприятно, но лучше, чем многое из того, что она сама успела придумать. И если все сложится хорошо, то князь, может, и впрямь отпустит ненужную больше алатырницу с миром. О прибыли Вьюжин напрасно заговорил, Алёна об этом и думать не собиралась: тут при своих бы остаться.

Погрузившись в размышления, она незаметно доела все то, что было на тарелке, взяла еще один пирожок с мясом. Они были маленькими, на два укуса, но зато вкусными – язык проглотишь! Алёна рассеянно подумала, что надо бы познакомиться с местной поварихой и попросить поделиться секретом.

– Ты хотя бы девица еще? Княжна, – нарушила тишину старуха, и последнее слово она буквально выплюнула.

– Нет, – спокойно ответила Алёна, пожав плечами. – Мне двадцать два, не больная, не кривая, с чего бы?

Последнее намеренно добавила, чтобы позлить. Желчной княгини она не боялась, обретению второй бабки не радовалась – они чужие люди, которые друг другу не нужны и не интересны. И если старуха не желала сдерживать недовольные гримасы, то и Алёна ничего изображать не намерена. Грубить не собиралась, все-таки княгиня гораздо старше, но и совсем удержать язык за

зубами не могла. Да и не особенно хотела, что уж там.

Против ожидания, сильнее это хозяйку не задело. Она вновь поджала губы, еще раз окинула внучку пристальным взглядом.

– Локти ближе. Не горбись и не наклоняйся так к столу, – чуть прикрыв глаза, твердо заговорила женщина.

Алёна едва не огрызнулась, но вовремя одернула себя, сообразив, что княгиня просто начала выполнять распоряжение Вьюжина. Алатырница выпрямилась, собрала руки, потом вообще сложила их на коленях, поскольку еда закончилась.

– Спасибо, было очень вкусно, – напомнила себе о вежливости.

Старуха открыла глаза, усмехнулась косо, на один бок.

– Хорошо. Правила поведения за столом начнем разбирать в ужин. Про твое девичество... – Княгиня запнулась. – Надеюсь, мне не нужно предупреждать о том, чтобы в великокняжеском дворце ты юбку не задирала? Проверять твою добродетель никто не станет, но постарайся хотя бы изобразить неискушенность.

– Я умею не путать службу и развлечения, – заметила Алёна.

Объяснять старухе, что между невинностью и блудливостью есть множество разных других привычек и что большинство людей как раз так и живут, не стала. Зачем оправдываться перед чужим человеком, который к тому же и слышать ничего не желает?

– Надеюсь на это. Пойди для начала переоденься, там сарафан приготовили. Не верю, что из тебя выйдет толк, и для великокняжеского дворца тебе найдут путную прислужницу, чтобы одежду к случаю подбирала. Но я все равно расскажу правила. Вдруг хоть что-то в голове отложится.

В Алёне шевельнулось любопытство. Она знала, чем и для чего отличалась одежда разных отрядов и воинов, почему в праздничном сарафане каждый день не походишь. А что же там еще придумали?..

Оказалось, было бы желание, а запутать можно что угодно, и тонкостей дворяне изобрели великое множество. Наряды делились на утренние, вечерние и праздничные. Для дома, для приема гостей, для выхода – по-разному. Для князей, для бояр и дворян – свои особенности. Одни вещи, как нормальные, можно было носить долго, пока вид хороший, другие надевались лишь раз.

Какой во всем этом смысл, Алёна не спрашивала, только на ус мотала. Во всякой избушке свои погрешности, и что там думала об этом одна алатырница, наверняка никого не волновало. Но по всему выходило, цель одна: показать свое богатство да выделиться среди прочих. Желание понятное, станичные девушки тоже любили похвастать друг перед другом обновками, вот только дворяне зачем-то усложнили себе жизнь, личную причуду, не сказать придурь, превратив в обязательное действие.

Про наряды княгиня вещала, стоя на верхушке внутренней лестницы, а Алёна, чтобы попусту не тратить время, ходила вокруг. По переходу прямо, по лестнице вверх, еще пару десятков шагов, поворот – и обратно. Порой старуха прерывалась, чтобы прикрикнуть на подопечную, которая постоянно путалась в непривычно длинной юбке.

– Что ж ты за девка такая? Как мужик шагаешь! Короче шаги, мягче!

– Подол до колена не задирай! Ты еще исподнее всем покажи!

– Плыть как лебедушка, а не топтать, как кобыла!

– Матушка, дай мне силы не отлупить эту дуру как сидорову козу!..

С каждым шагом Алёне все меньше хотелось становиться княжной даже ненадолго. Через полчаса неспешного вышагивания по обрыднувшему пути она сдерживалась, чтобы все не бросить, только из семейного упрямства и задетой гордости.

Наконец отчаявшись изобразить плывущую лебедушку, она вспомнила «кошачий шаг», которому учил дед. Княгиня в первый момент поперхнулась замечаниями, с минуту наблюдала за этим молча, после чего опять попросила сил у Матушки. Но после дело неожиданно пошло к миру, в следующий час замечаний стало гораздо меньше, а потом старуха милостиво махнула рукой, решив, что на

сегодня пока довольно.

А впереди еще ждал ужин и правила поведения за столом. И если поначалу Алёна еще опасалась, что хозяйка дома ослушается Вьюжина и попытается отыграться за нанесенную им обиду на подопечной, то теперь стало ясно: отыграется она, как раз старательно, в точности исполняя его указания.

Глава 2

Княжеский дворец

Несколько дней в тереме княгини пролетели стремительно и очень Алёну вымотали. Казалось бы, ничего столь уж сложного от нее не требовалось: на память она не жаловалась, и наука невелика, научиться янтарем управлять было куда сложнее, но усталость ширилась и крепла.

Главная проблема была в том, что смысла доброй половины этих правил она просто не понимала. Почему девушке нельзя выйти из дома с непокрытой головой? Почему до полудня нельзя принимать гостей, кроме самых близких? Почему в домашнем наряде нельзя принять гостей, если наряд этот совершенно приличен? Почему утром дома и без гостей нельзя открывать плечи, а вечером на приеме с гостями – можно? А то еще и грудь частично, так что Алёна поначалу смущалась. То есть в таком вот виде на люди – это невинной деве можно, а наедине с парнем оставаться – ни в коем случае, даже если идет самый спокойный разговор о погоде и видах на урожай?..

На заставе правила были простыми и ясными. Не станешь выполнять – погибнешь и товарищей подведешь. Понятно, почему нельзя одной ходить в горы: случись что, и кто тебя выручит? Но почему нельзя надеть вечером светлый сарафан?!

Все это сердило и заставляло строить планы о том, как поскорее поймать убийц. Алёна готова была как угодно их дразнить, вызывать на себя их злость и рисковать жизнью, лишь бы не задерживаться среди всех этих странных обычаев надолго.

При такой дурацкой науке сварливая старуха вскоре совершенно перестала вызывать неприязнь сама по себе, алатырница даже начала ей сочувствовать. Станешь тут злой и желчной, всю жизнь петляя между этими нелепыми запретами. Не говоря уж о том, что в таких тесных границах нечего и задумываться о замужестве по велению сердца: если и сумеешь с кем-то сблизиться, еще неизвестно, подойдет ли он тебе родом. Как собаки племенные, спаси их Матушка!

А радостей всех что? Шей-вышивай да чинно по парку вышагивай, притом с малолетства. Ах да, еще картинки малевать можно, песни петь и книжки читать. Пожалуй, книжки единственные Алёну радовали: в школе, когда училась, библиотека была богатой, и девушка пристрастилась, а на заставе-то откуда их взять! А у князя небось этого добра довольно.

Сейчас, впрочем, читать алатырница успевала только те скупые указания, что оставил ей Вьюжин, затверживая их наизусть, и толстенный родословник, стараясь запомнить самые старые и важные семьи. Выучить все она и не пыталась, все одно без знакомства ни с кем заговаривать нельзя, но хоть теперь все княжеские роды знала, кто каким уездом командует.

Четырнадцать уездов – четырнадцать родов, а у тех в подчинении до трех десятков волостей со своими городами да деревнями. Иными волостями командовали бояре, иные напрямую князьям подчинялись. Особняком стояли родовые боярские поместья, за которые хозяева могли держать ответ только перед великим князем, но и то если что совсем уж дурное случится. И боярских родов было больше тысячи, где уж тут все упомянуть!

Глава Разбойного приказа постановил, что росла Алёна под приглядом наставницы в одном из удаленных и совсем маленьких великокняжеских поместий, имя своего отца знала и именно его должна была величать благодетелем. Никакой алатырской школы не кончала, и янтарь в крови надлежало прятать от сторонних глаз. Как именно, не уточнялось, и она надеялась расспросить Вьюжина. Что способы спрятать дар существуют, это она знала, вот только никогда не пробовала.

В общем, планы у князя на дочку с самого начала были, и именно такие, как у остальных высокородных: удачно выдать замуж.

Тут Алёна снова ужаснулась и испытала к покойному отцу искреннюю благодарность. А ведь мог же и так поступить! Хорошо не был покойный князь Иван Никитич Краснов человеком расчетливым и излишне предусмотрительным, о чем алатырница узнала из все тех же бумаг, где имелось среди прочего и его описание. Нравом он был крут, но отходчив, щедр, горяч, азартен, но не без ума, умел остановиться. Остер на язык, обаятелен без меры, хорош собой, любимец женщин. Как подобное сочеталось со строгими правилами, озвученными княгиней, Алёна не поняла, но махнула на это рукой – на месте разберется.

За эти дни княгиня несколько смягчилась к своей приبلудной внучке, обнаружив, что алатырница внимательна и старательна, а кроме того, умеет не только чаровать, но еще и шьет недурно, и в готовке смыслит, и дом в порядке содержать может. И даже признала, что та небезнадежна. Но на сближении не настаивала, и теплых отношений у них не сложилось. А Алёна и не собиралась навязываться, с вопросами старалась поменьше ходить и вообще предпочитала не встречаться.

Из тех же бумаг, что оставил Вьюжин, следовало, что покойный князь со своей матерью близок не был. Выказывал ей сыновнее почтение, но прохладно, по велению долга. Об истоках этого отношения боярин умолчал, но тут нашлось кому просветить: Марьяна многого не знала, но тем, что знала, поделилась с удовольствием.

Она рассказала, что, когда умер старый князь, властная и честолюбивая княгиня попыталась взять бразды правления в свои руки, отчего-то полагая, будто сын двадцати с лишком лет – все еще неразумный и добрый мальчишка. Вышла большая ссора, мать была сослана в этот вдовый дом и лишилась даже тех возможностей, какие имела. А теперь, со смертью сына, вовсе оказалась на птичьих правах, зависима от воли будущего наследника.

К сожалению, подробностей не ведала не только Марьяна, но и остальные немногочисленные слуги, с которыми Алёна быстро перезнакомилась. Все они были деревенскими, жили от столицы и главного родового поместья, где все происходило, далеко. Нельзя сказать, будто алатырница не верила словам девушки или всерьез намеревалась копаться в прошлом новообретенной родни, но что-то в этой истории не складывалось, и мысль об этом засела занозой.

Удивляло, например, то, что Людмила Архиповна, будучи достаточно умной женщиной, не могла не понимать, что ее своенравный сын в двадцать пять лет –

уже давно взрослый мужчина с трудным характером, он ведь и военную службу успел пройти. А если вспомнить отношение к ней главы Разбойного приказа, и вовсе закрадывалось подозрение, что сотворила княгиня что-то очень нехорошее, и этой мягкой ссылкой, наверное, легко отделалась. Иначе не опасалась бы так Вьюжина, и вряд ли он бы так с ней разговаривал.

Все эти рассуждения не добавляли Алёне любви к старухе и желания сблизиться.

Вьюжин, как и обещал, явился за новоиспеченной княжной через четыре дня ровно, вскоре после обеда. Не один, в сопровождении молодого алатырника в зеленом кафтане, который девушка сразу узнала: такие в городах носили все стражи, что под Разбойным приказом ходили.

Наученная, Алёна коротко поклонилась, сложив ладони у сердца; сильно гнуть спину ей теперь полагалось лишь перед великим князем, а большинство вообще были достойны только наклона головы. Боярин ответил тем же, его спутник, опомнившись, поклонился в пояс.

Изменения в алатырнице Вьюжин встретил одобрительной улыбкой. Настоящая боярышня: темно-серый дорожный сарафан, синяя рубашка, голова и плечи покрыты белым платком с набивным рисунком и кистями. Последний надевать особенно не хотелось, но Алёна утешила себя тем, что это ненадолго, только до дворца. В небольшую холщовую суму уместились все ее вещи, которые девушка решила не оставлять, раз уж прямого приказа не было.

– Прекрасно выглядите, ваше сиятельство, – похвалил боярин.

– Благодарю, Алексей Петрович, вы очень добры, – вежливо ответила алатырница, чувствуя себя в этот момент крайне глупо. Не забыть бы, что «сиятельство» – это теперь она!

– На дорожку сидеть не будем, кони давно запряжены, сундуки и не снимали. Открывай, – велел молчаливому сопровождающему.

– Кони? – растерянно переспросила Алёна.

– Будет подозрительно, если вы явитесь со мной, да еще тайной тропой. – Вьюжин легко и непринужденно сменил манеру общения и держался с девушкой теперь так, словно она и впрямь была без медяшки княгиней. Наверное, привыкал сам и помогал привыкнуть ей. – С дальнего края Белогорья ехать не придется, вас ждут в княжеском охотничьем доме, несколько часов пути.

Пока он все это говорил, алатырник чаровал, и за ним Алёна наблюдала с гораздо большим интересом, чем слушала Вьюжина. Она никогда не видела белопенный янтарь за работой, против болотников живущий в них ветер бесполезен, а уж дорожники, способные ходить тайными тропами, и вовсе все при князьях. Ну или вот при Разбойном приказе. Сложная это наука, мало кому дается, тут талант особый нужен, ум острый и упорство.

Алатырник прикрыл ближайшую дверь, похлопал по ней ладонью, провел кончиками пальцев по косяку у самой ручки. В глубокой задумчивости постоял, выводя на темном дереве невидимые рисунки, как будто повторял природный узор и запинался о сучки. Потом вовсе замер, держась за ручку, словно не решаясь открыть. Послушные его ладоням и воле, тонкие мерцающие бледные нити чар оплели деревянное полотно кружевной паутиной, и кружево это текло как живое. Не обладающие янтарем люди замечать их не умели, а Алёна сейчас смотрела очень внимательно. «Янтарный взор», который позволял видеть чары в предметах, в воздухе и в людях и без которого невозможно чаровать самому, все алатырники учили в первую очередь. Понять что-то и не надеялась, но чужая тонкая работа восхищала.

– А что мне делать во дворце, когда приеду? – спросила она неуверенно, насилу отвлекшись. – Меня встретят?

– Да, конечно. О вас известно, вас ждут.

Прозвучало зловеще. На теплый прием рассчитывать не приходилось, а как отвечать на холодный – неясно. Если следовать советам княгини, Алёне оставалось только молчать и улыбаться.

Тем временем безымянный алатырник распахнул дверь, и за ней вместо знакомой комнаты открылась густая дымка клубящегося тумана, столь сильно пропитанного чарами, что узор для неопытного глаза сливался в сплошное полотно.

– Прошу, – пригласил Вьюжин, и Алёна без возражений ступила через порог, с любопытством озираясь и прислушиваясь к чужим чарам.

Пара шагов в тумане, и вот под ногой скрипнула половица, следующая, дымка растаяла как-то вдруг, и девушка оказалась в темной и прохладной пиршественной зале. Длинный дубовый стол пустовал, вдоль него тянулись лавки, посередине ближней к стене стороны – резное хозяйское кресло и два попроще по обе руки. Наверное, для князя, княгини и старшего княжича. Оштукатуренные каменные стены были густо расписаны цветами и диковинными зверями, под потолком парили, простирая крылья, птичьи чучела, в одном углу стоял могучий лось, в другом поднялся на задние лапы матерый медведь, стеклянные глаза которого вызывали едва ли не больше тревоги, чем кинжалы когтей.

Лучше осмотреться не вышло – следом из тумана на месте двери вышел Вьюжин и поманил ее за собой. Алёна обернулась через плечо, чтобы увидеть, как последним в залу вошел алатырник, замкнул за собой дверь, и туман тотчас опал.

В соседней горнице их поджидала незнакомка в скромном сарафане из небеленого льна и простой рубахе, была она без платка, в лаптях – обычная деревенская девушка. Конопатая, с собранными в недлинную косу рыжими волосами – где-то посчитали бы дурнушкой, а в Соленом уезде, наоборот, любили таких и говорили, что солнце расцеловало.

Только взгляд ярко-зеленых глаз совсем не подходил этой наружности: не девичий, очень тяжелый, прямой, цепкий и внимательный. Перехватив его, Алёна усомнилась, а так ли уж юна эта девушка?

Потом рыжая заговорщицки переглянулась с пришлым алатырником, тот едва спрятал улыбку в уголках губ, а девица поспешила поклониться в пояс и затараторила с восторгом:

– Доброго здоровьичка! Стешей меня звать, хозяйюшка, служить буду верой-правдой!

– Не паясничай, – вдруг одернул ее Вьюжин и обернулся к молодой княгине: – Степанида – из деревни подле поместья, в котором ты выросла. Можешь

доверять ей во всем. У себя в покоях еду и платья бери только из ее рук, не важно, есть кто еще рядом, нет ли. За княжым столом, пожалуй, бояться не стоит, там и без тебя найдется кому дурное в еде и питье заметить, столы в трапезных на то зачарованы.

– Но я сама могу почувствовать яд и чужие чары, – растерялась Алёна. Отравить алатырника вообще трудно, янтарь в крови не даст, а уж если янтарь тот – живое пламя...

– Заметить могут, – опередив поджавшего губы боярина, вставила Стеша. – Тебе что, не сказали? Прятать надо силу! Я тебя по дороге научу и помогу с этим, сама-то ты вряд ли сумеешь как следует силу скрыть, и чаровать нельзя будет. Я за тебя все проверять стану.

– А деревенская девчонка с такими умениями никого не удивит? – усмехнулась Алёна.

– А я незаметно умею, – заявила та и язык не показала, наверное, только из-за присутствия дорожника, в которого то и дело стреляла глазами. Вьюжина странная девица, кажется, совершенно не боялась.

– Степанида, – устало проговорил боярин, немного прикрыв веки.

Неожиданно это благотворно повлияло на рыжую, та собралась и перестала насмешливо и хитро улыбаться.

– Пойдемте, Алёна Ивановна, кони уж копытами бьют.

Закрытый возок выглядел неказистым, но крепким, как и пара низкорослых гнедых мерингов, которые его тянули. А еще и по нему, и по привязанным позади сундукам можно было уверенно сказать, что путь их был долгим и сложным. Алёна только восхищенно качнула головой. Небось возок этот от того самого медвежьего угла до столицы и ехал. И даже девицу какую-то вез...

Вокруг возка ходил, ощупывая и осматривая решительно все, хмурый мужик разбойной наружности в выдавшей виды рубахе и портках, с бесформенной шапкой на голове, но зато в крепких, хоть и запыленных сапогах и с кистенем на

поясе. Завидев девушек, молча открыл дверцу.

– Меня Петром кличут, – буркнул, когда Алёна проходила мимо, и на том знакомство завершилось.

– Он всегда такой хмурый? – спросила алатырница у попутчицы, с интересом разглядывая ее в сумраке возка. Здесь пока прятать силу особого резона не было, и Алёна без стеснения ею пользовалась. Желтый янтарь в крови давал не только жар: доступный лишь огненным чародеям, «светлый взор», позволявший видеть почти в полной темноте, был немногим сложнее «янтарного».

– Не образчик обхождения, – охотно поддержала разговор Степанида, улыбнувшись. – Зато надежный и сильный, как медведь, хороший страж для двух слабых девушек. Ну и каково тебе быть княжной? Или ты уже княгиня?

– Сама толком не поняла, – проворчала Алёна. – Молю Матушку, чтобы все это быстрее закончилось.

– Это ты еще во дворце великокняжеском не была! – звонко рассмеялась Стеша и вдруг решила: – А ты ничего, твое сиятельство. Не дура и не жадная.

– Алёна, хорошо? Хотя бы наедине, – вздохнула она. – Сиятельство я меньше седмицы, а Алёна – всю жизнь. А ты Вьюжина совсем не боишься, что ли?

– А что он мне сделает? – легкомысленно отмахнулась Степанида. – Я слишком полезная.

– Зеленый янтарь, да? И странный такой! – задумчиво проговорила Алёна. – Я раньше только лекарей встречала, а о таком только в книжках читала...

– Неужели разглядела? – подозрительно нахмурилась рыжая.

– Догадалась, – не стала прибавлять себе лишнего Алёна. – Ты старше, чем кажешься, небось и меня старше. И с боярином Вьюжиным держишься уж слишком вольно, не стерпел бы он такой вольности от девчонки, пусть и полезной.

– Подружиться, – с удовольствием улыбнулась Стеша. – Слушай и запоминай. В княжьем дворце держи ухо востро. В том озере такие щуки зубастые плавают, что голову откусят и не поморщатся. Где смогу – помогу, но всегда рядом быть не сумею, так что держись. Тебя в свиту княгини отправят, туда многие незамужних дочек пристроить пытаются, верный путь к удачной свадьбе. Саму ее не бойся, но и заступничества не жди, Софья себе на уме и к девочкам вроде тебя относится словно к зверям в зверинце: посмотреть издали да и выкинуть из головы. А вот князя сторонись.

– Может заставить все-таки остаться княгиней и выйти замуж? – встревожилась Алёна.

– Вряд ли, ему тоже незнакомая девица на этом месте даром не нужна, он больше уважает передачу наследства по мужской линии. Если бы еще других не было, а так... Нет, не в том дело. Князюшка наш до баб уж больно охоч, – усмехнулась Степанида. Да так зло, колко, что Алёне на миг боязно стало. – А ты хороша собой, да и чернявых в княжьем дворце мало. Была бы впрямь девицей скромного нрава и строгого воспитания – еще мог бы не полезть. А ты из служивых, и он о том знает. Еще Вьюжин сказал, характер у тебя бойкий, его князю тоже поменьше показывай, чтобы не привлечь ненароком.

– Не побрезгует ли? – с надеждой предположила алатырница. Князя она еще не видела, но в этот момент уже за глаза невзлюбила. И совершенно точно знала, что обойдется без его внимания.

Надо же, каков! При живой жене, нимало не таясь...

– С чего бы? Чем ты сенных девок хуже?

– Бедная княгиня, – вырвалось у Алёны.

– Сама виновата, сама и хлебает заваренные щи полной ложкой, – пренебрежительно отмахнулась Степанида.

Такая резкость алатырницу удивила и покорила: это ж как она может быть виновата, если муж у нее оказался гулящим?! Но ввязываться в пустой спор Алёна не стала, все равно не переубедит. Поэтому предпочла заговорить об ином:

– Стеша, а ты ведь умеешь лицо менять, верно? Почему же тебя вместо меня не отправили? Ты бы и сыграла лучше.

– Кровь, – коротко отозвалась она. – Если кто проверит и вскроет обман, князю объясняться придется. Сама понимаешь, никому такое и даром не надо, когда подходящая настоящая наследница есть. Ладно, давай мы лучше к делу. Попробуем понять, что княгиня с Вьюжиным полезного забыли или не успели тебе рассказать. А то боярин в девичьей жизни мало что понимает, а старуха за давностью лет – и того меньше, – улыбнулась она насмешливо.

К концу дороги голова у Алёны стала тяжелой. От бодрой и звонкой болтовни Степаниды, от количества тех сведений, которые алатырница пыталась усвоить и увязать со сказанным старой княгиней, от тряской езды. Возок был достаточно хорош, и едущих внутри не швыряло из стороны в сторону, но в седле было бы куда проще и приятнее. Девушка не роптала и не жаловалась, но вздохнула с огромным облегчением, когда колеса застучали по брусчатке стольного града Китежа и повозка поплыла совсем легко, плавно. Выглядывать наружу через небольшие окошки, закрытые плотными занавесками, Алёна не стала, много ли там на ходу рассмотришь, но заметно приободрилась.

Стен Китеж не имел, так что начало города было очень размытым. Без надобности был стольному граду частокол: от врагов и всего дурного хранила его близость колдовского озера Светлояра, на берегах которого раскинулся Китеж и подле которого стоял великокняжеский дворец.

Взглянуть на это волшебное место Алёне тоже очень хотелось. Она не ждала всерьез, будто что-то эдакое увидит, но мысль о грядущей встрече все же грела. Старшая и любимая дочь Матушки Озерица, дух озера, покровительствовала всем алатырникам, а на дне Светлояра, поговаривали, лежал сам сказочный Алатырь-камень, дающий чародеям силу. В это легко было поверить, иначе почему так боялись зачарованного озера болотники и откуда на его берегах бралось столько янтаря? Сбором его промышляли все окрестные деревни, но меньше из года в год не становилось.

За несколько часов дороги Степанида успела многое рассказать, показать чары и почаровать, помогая новоявленной княжне скрыть янтарь в крови от чужих глаз. Алёна никогда такого не делала, для нее все было внове, так что помощь пришлось очень кстати. Да и чары зеленой алатырницы поспособствовали, без

них вряд ли удалось бы скрыть столько огня, с ними-то полностью не получилось. Но Стеша в конце концов решила, что так лучше: кто посмотрит – увидит слабенький, тусклый огонек дара, который хозяйка не стала развивать, такое нередко встречалось, и не только у родовитых бояр и дворян, но и среди простого люда. И вряд ли кто-то станет вглядываться.

Кое-что из сказанного Стешей противоречило наставлениям княгини, и это поначалу путало. Например, по словам рыжей, гулять с парнями все же можно, и даже наедине, просто нельзя уединяться в покоях, а если очень хочется – достаточно присутствия служанки. Или вот оказалось, что про домашние наряды Людмила Архиповна рассказывала совершенно напрасно: во дворце они были не в чести, потому что домом он был только для великой княгини, которая по своему желанию в любое время могла зайти в любые покои на женской половине. И хотя этого не делала, но домашние наряды никто не носил, и для Алёны их шить не стали.

Конечно, Степаниде веры больше, но и в обман со стороны княгини не верилось, поэтому Алёна постаралась расспросить спутницу. По всему выходило, старуха не врала, просто, как алатырница могла бы и сама догадаться, воспитание и семейные порядки в боярских семьях заметно разнились, строгостью и требованиями к дочерям – в том числе.

А вот чем, кроме поисков женихов и рукоделия, занимаются при княгине молодые дворянки, даже Стеша не сумела сказать: выходило – ничем. Только Софья решала, будут у них какие-то обязанности или нет, и пока Софья лишь снисходительно наблюдала за их развлечениями, порой забавляясь устройством свадеб.

А вот для женщин постарше, поопытнее имелись занятия поважнее. Они были ее опорой, помощницами и единомышленницами, и дел – настоящих, нужных, хватало на всех. Княгиня ведала школами, кроме разве что военных, больницами городскими, уездными и поместными, а также судьбой сирот. Еще она считалась проводницей воли храма при князе и в прежние времена получала через это немалую власть. Но сейчас жрицы старались держаться в стороне от княжеских дел и в жизнь Белогорья вмешивались только в том, что касалось обрядовых и духовных вопросов.

Когда возок въехал на княжеский двор и остановился, Алёна вдруг поняла, что помимо ожидаемого волнения перед сложным и опасным делом испытывает еще

предвкушение и нешуточный интерес: когда бы ей еще довелось поглазеть на жизнь самого великого князя и его дворца? Может, если бы не угроза замужества, потому что до конца поверить Вьюжину не получалось, она бы искренне радовалась такому приключению.

Неразговорчивый Петр, не дожидаясь местных слуг, сам открыл дверь, помог выбраться наружу, и на несколько мгновений алатырница забыла обо всех своих волнениях, зачарованно озираясь.

Алёна понимала, что великокняжеский дворец должен быть огромным, но все равно оказалась не готова к увиденному. Сложенные из белого камня хоромы охватывали широкий двор кольцом, и молодая княжна совершенно растерялась, пытаясь угадать, в какую сторону идти.

Высокие, в три, а где и в четыре этажа строения сложной формы. Иные стояли тесно друг к другу, между другими виднелись проемы разной ширины, и тогда здания связывали крытые переходы. Обычно поверху, над рядом колонн, за которыми было зелено, – там явно таились от посторонних глаз сады или дворики. Лестницы, крутые крыши, бесчисленные окна от узких и маленьких, с частыми переплетами, до широких, с большими ясными просветами. Одних крылец девушка насчитала пять, и это только ярких и украшенных, парадных, которые бросились в глаза.

А сколько здесь было народу! По двору сновали деловитые слуги, стремительно и уверенно шагали какие-то мужчины в расшитых кафтанах и с очень важными лицами, проплывали небольшими стайками лебедушки... То есть девушки и женщины в нарядных сарафанах. Поодиночке они не ходили вовсе. И, проводив взглядом трех молодых красавиц, Алёна запоздало поняла, за что именно ругала ее старая княгиня. Не умела алатырница так мелко шагать, чтобы почти не задевать колокольчика юбки! Глупо же и неудобно...

Пока она озиралась, к ним быстро, чуть не срываясь на бег, подкатился невысокий круглый человечек. Шел он пружинисто, и большой живот его, туго обтянутый красным кафтаном, смешно подпрыгивал. За ним шагали двое дюжих молодых парней.

– Ваше сиятельство, радость какая, добрались! – Он низко и удивительно ловко поклонился, и живот совсем не помешал. – Боярин Вяткин, Аполлинарий

Никитич, его великокняжеской светлости покоевый ключник. Берите сундуки, да поосторожнее! – прикрикнул он на парней, которые уже вместе с Петром отвязывали скарб. – Пожалуйста за мной. Притомилися в пути, голубушка, ну да ничего, сейчас девки сенные ножки омоют, яств сладких откушаете, с дороги вздремнете, и румянец расцветет!

Вставить хоть слово он не давал, а вскоре Алёна и думать об этом забыла: круглый боярин Вяткин при недостаточной внешней представительности дело свое знал крепко и говорил вещи нужные. Каковы порядки во дворце, к кому с какими вопросами идти, где покои княгини, где – младших детей. Где светелки для посиделок с рукоделием, где – залы для вечеров, куда была открыта дорога не только девушкам, но и парням, и они там совместно проводили время под приглядом старших женщин. Алёна немного порадовалась за дворянских дочек, не сидят они все же взаперти, как думалось.

Жило в княжеском дворце немало людей, но и не так много, как казалось по виду огромных палат. Бояре из Малой, или Тайной, думы, ближайшие советники великого князя, их жены и дочери, часть которых составляла свиту княгини. Жила здесь и личная великокняжеская дружина из родовитых дворян – потомственных надежных воинов, а также обитали старшие воеводы, тоже с семьями. Целая деревня наберется, если подумать... Особняком стояла казначейская палата, где жили некоторые старшие чины, а остальные приходили на службу и в иные присутственные места.

– Ну вот и добрались с Матушкиного благословения, – сообщил Вяткин. – Вещи ваши скоро принесут, а тут все готовенько – и перина пуховая, и всяко-разно, что душевье угодно. А прислужницу вашу я к остальным сенным определю, неча ей...

– Я хочу, чтобы она со мной осталась, – опомнилась Алёна, когда Стеша из-за спины боярина замахала руками и сделала ей страшные глаза.

– Да на кой она вам? – опешил ключник – не то само возражение озадачило, не то открывшийся вдруг у княжны дар речи.

– Я к ней привыкла, она и расторопная, и умница!

– Да наши сенные лучше, зачем эту деревенщину-то рябую?

Степанида за спиной боярина опять сделала страшные глаза, скрестила руки на груди, показательно нахмурилась и изобразила, будто топает ногой.

– Я так хочу! – резко заявила Алёна, сообразив, что ей подсказывают. – Рябая, да знакомая!

Не то командный голос помог, не то капризные нотки, но на боярина подействовало, он почти перестал спорить, только спросил неуверенно:

– Но куда ж ее тут?..

Что Стеша подсказывала теперь, Алёна не поняла, пришлось той самой вмешаться.

– Благодарю вас, ваша милость, за ласку, за заботу, – залебезила она, выскользнув из-за плеча ключника и кланяясь в пол. – Да не извольте волноваться, я непривередливая, я вот тут, в светелке на скамье, зато при княженке нашей. Совсем она одна осталась, в целом свете сирота. – Степанида шмыгнула носом, даже пустила слезу, отчего Вяткин неожиданно растерялся, смешался и поспешил распрощаться, пообещав, что сейчас принесут еды, – отобедать княгиня изволила раньше, ужин еще не скоро.

Трапезы с княгиней были не столько обязанностью, сколько привилегией, это еще старуха Краснова рассказывала. Никто не запрещал вообще их не посещать, и некоторые так и делали – например, те, кто предпочитал жить своей семьей в отдельных больших покоях. Таких было немного, в основном из служивых дворян, а кто породовитей и побогаче – предпочитали свои столичные дома. Но само их существование Алёну немного приободрило.

Ей странен и неприятен был этот обычай, когда для женщин и мужчин строились отдельные терема, и ладно сам великий князь, но многие из живших здесь бояр следовали примеру, когда муж к жене только изредка заглядывал. Какая радость замуж выходить, коли муж противен, чужой человек, неприятный и совсем не любый? А жениться зачем, если с души воротит?

– Ух! Я уж думала, сейчас меня и отошлют! – проворчала Стеша. – Ты ворон-то не лови, стоит как телок на веревочке!

– Мне княгиня четыре дня о том говорила, что молчать надо и рта лишний раз не раскрывать, – недовольно возразила Алёна, которая уже понимала, что слепо следовать науке бабки не стоило, но еще не могла сообразить, как нужно держаться.

– Так молчать-то с умом! – смягчилась рыжая. – При князе, при молодцах, при княгине. А если бы он сундуки нести отказался, тоже смолчала бы? Все, иди-ка умывайся и запишись обязательно!

– Зачем?

– Любопытствующие сейчас потянутся, – заявила она и бросила вслед: – Косу намочить не забудь! Сушить-то ее некому, помни, вдруг кто внимание обратит? На мелочи погореть легче легкого.

Степанида оказалась права. Пока Алёна с удовольствием плескалась в теплой воде, обернув косу вокруг головы и подвязав платком – вроде дорога не длинная, а все равно утомила, – слышала, как рыжая с кем-то ругалась. Потом дергали ручку, но задвижка оказалась крепкой, а потом Стеша вытолкала незваную гостью взащей. Кажется, силой.

Тишина воцарилась через четверть часа, и только тогда алатырница выглянула из мыльни. Помощница сидела на краю постели, беспечно болтала ногами и грызла большое румяное яблоко. Рядом был разложен богатый синий сарафан, рубашка к нему и исподнее. Сама девушка тоже успела переодеться в скромный зеленый сарафан и рубашку получше, башмачки достала – и уже как будто не деревенская девица, а городская, отличимая от прочих дворцовых слуг разве только веснушками.

– Что тут за побоище было? – спросила Алёна, на ходу обтираясь льняным отрезом.

– Родня твоя познакомиться желала, – хмыкнула Степанида. – И я думаю – за косу оттащить. В лучшем случае.

– И мне в такой момент опять нельзя силу применять? – опешила алатырница.

– Силу – можно, чародейскую – нет. Ты ж из рода пластунов, нешто с бабой буйной не справишься? Одевайся, пойдём есть, там запахи такие – не могу, аж живот подводит. Видишь, дверь закрыла, тебя жду.

– А что за баба-то?

– Тетка твоя, князя покойного старшая сестра Лизавета. Вздорная, спесивая, самолюбивая. Не столько сынок ее, сколько она сама могла братца к предкам отправить. Но по мне – глуповата, не смогла бы все так ловко повернуть, только при большой удаче, а я в такие чудеса не верю.

После этого девушки дружно решили не гнать коней и до беседы с великим князем никуда не ходить, чтобы ненароком не навлечь на себя новых неприятностей. Тем более за Алёной пришли быстро, и часа не прошло: не обманул Вьюжин, и правда ждали ее.

Молодой долговязый дьяк с непослушной рыжей копной на голове низко кланялся и держался очень вежливо, но со жгучим любопытством поглядывал на княжну и шагавшую за ней прислужницу. Но, как бы ни хотелось, затеять разговор не посмел ни с одной, ни с другой.

Путь оказался неблизким, пришлось миновать два узких перехода между отдельными постройками – те самые, которые Алёна рассматривала со двора.

Княгинин терем был светлым и тихим, с наборными полами, украшенный кружевными подзорами и нарядной росписью. А там, куда они пришли, царил совсем иной дух. Стены светлые и почти пустые, полы – темные, без узоров, потолки высокие, гулкие, по ним гуляет неразборчивая разноголосица. Много людей: больше мужчины, но и женщины встречаются, явно не праздные и одетые занятно – вроде и платье чиновничье, ровно как у мужчин, но по-женски скроенное и с юбкой. То ли выслужившиеся из простых, то ли...

Боярышни и дворянки тоже порой поступали на службу, иногда по доброй воле, но чаще от безысходности. Остались без кормильца, других мужчин в доме, способных позаботиться, не имелось, вот и шли деньги зарабатывать. Грамоте учили всех без исключения, с цифрами управляться – тоже, домашние дела вести, так что и с чиновничьей службой справлялись. Но среди них это считалось страшным позором. Алёна, когда княгиня о том рассказывала, запомнила, но так

и не сумела принять подобное отношение: она ничего недостойного в честной службе не видела.

Путь закончился в большой горнице перед высокими двустворчатыми дверьми. Здесь было особенно многолюдно, ожидавшие сидели на лавках вдоль стен, прохаживались, что-то обсуждали малыми кружками. По обе стороны от дверей со строгими лицами стояла пара стражей, по всему видать – из алатырников, а следом за ними сидели за столиками писари.

Когда провожатый направился, не сбавляя шага, сразу к двери, Алёна подобралась, ожидая недовольства или хотя бы ропота других просителей, ищущих княжеской милости. Но нет, встретили новоявленную княжну только любопытные взоры и шепотки.

Один из стражей окинул подошедшую троицу цепким взглядом и распахнул дверь. Дьяк с поклоном предложил Алёне пройти внутрь, и через миг дверь с тяжким вздохом затворилась, оставив сопровождавших снаружи. Тревога всколыхнулась, прошла холодом по спине, но алатырница решительно стиснула кулаки и с поклоном шагнула вперед, ближе к мужчине на престоле.

Великий князь был переменчив, и просители между собой старались заранее выяснить, в каком он расположении духа, потому что в дурном на расправу был скор и нравом крут, неповиновения не терпел, а в хорошем – куда более сдержан и мягок. Вспомнив об этом, Алёна попыталась на глаз оценить настроение Ярослава Владимировича. По всему выходило – хорошее, взгляд его казался насмешливым и даже как будто приветливым.

Князь сидел не так, как рисовали его на портретах, – гордым, с прямой спиной, с орлиным взором и с посохом в руке. Вольно откинулся на спинку, короткий посох – символ власти – держал обеими руками, опираясь локтями на подлокотники. Нестарый, сорока трех лет от роду, крепкий мужчина. Волосы светлые, золото пополам с серебром, и глаза серые, ясные, умные.

Великий князь Ярослав Владимирович вообще оказался очень хорош собой. Не изнеженный, пресыщенный богач – витязь. Плечи широкие, ладные, лицом красив, да и одет иначе, чем многие из дворни: кафтан дорогой, богатый, алый, но золотом шит с умом, не заткан полностью, чтобы достаток показать, а только для красоты, без излишка. Золотой венец в волосах блестел темными, почти

черными, как печеночная кровь, лалами.

При взгляде на эти камни вдруг вспомнилось кольцо на пальце Вьюжина, и Алёна поняла, почему оно показалось знакомым. Рассказывали о таких перстнях, зачарованном знаке особого расположения великого князя, который разрешал вершить оговоренные дела от его имени. Высоко Ярослав боярина ценил и доверял ему.

По правую руку от правителя за небольшим столом сидел еще один писарь. Лавки вдоль стен были почти пустыми, в дальнем краю только притулились двое совсем древних старцев в боярской одежде и словно бы дремали с открытыми глазами. А перед престолом стояло несколько человек, видимо, та самая родня, с которой великий князь должен был познакомиться наследницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Чернук – злой пакостливый дух, который толкает под локоть, заставляя ронять вещи, и под колено, отчего конь или человек спотыкается. Сам, говорят, крайне ловок. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Алатырники, иначе янтарники – волшебники, одаренные всевозможными талантами. Янтарь считается чародейским камнем.

Купить: https://tellnovel.com/kuznecova_dar-ya/yantar-v-bolote

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)